Комментарий
8 августа 2024

Удар демократическим популизмом по позициям Запада

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Внутриполитические игры в США и других западных странах вокруг президентских выборов в Венесуэле в очередной раз показывают пагубность демократического популизма для интересов самого Запада.

Содержание

1 Внешнеполитические американские горки
2 «Наши граждане будут смеяться над нами как над идиотами»
3 Внутренняя политика на Западе и национальный интерес

Состоявшиеся 28 июля выборы президента Венесуэлы ожидаемо привлекли повышенное международное внимание. В основном их итоги обсуждаются сквозь призму внутренней ситуации в этой латиноамериканской стране и реакции различных зарубежных государств на объявленные официальные результаты голосования. Главный вопрос, которым задаются наблюдатели, – насколько эти результаты соответствуют действительности?

Вопрос, нужно сказать, стал обыденным. Если еще десяток лет назад он регулярно возникал в рамках электоральных кампаний лишь за пределами Запада, то теперь он звучит практически повсеместно. Достаточно вспомнить прошлые президентские выборы в США или послушать, что говорится в ходе текущей американской кампании. Глубина и масштаб социально-политической поляризации во всех частях планеты растут в геометрической прогрессии. Если тенденция продолжится, то кадры, на которых проигравшие выборы политики жмут руку победителям и с улыбкой передают им бразды правления, достаточно скоро станут архивными.

Возможно, вместе с ними в архив начнет уходить и еще один сюжет, который давно задает международный фон абсолютно любым выборам в любой незападной стране. Он заключается в связи между внутренней политикой государств Запада – прежде всего США – и позицией этих государств по итогам выборов в той или иной стране. То есть в том, как многие незападные государства фактически оказываются в зависимости от текущих внутриполитических раскладов в Соединенных Штатах и других западных странах. Возможно, когда-то эта зависимость будет прервана, ведь во многом происходящий на наших глазах процесс преобразования системы международных отношений в сторону большей полярности связан именно с ней. Однако пока она остается фактом жизни, о чем в очередной раз свидетельствуют происходящие вокруг венесуэльских выборов события.

Внешнеполитические американские горки

1 августа госсекретарь США Энтони Блинкен объявил, что США не принимают официальные итоги выборов в Венесуэле, согласно которым победил действующий президент Николас Мадуро, и признают победителем оппозиционного кандидата Эдмундо Гонсалеса. С подобными заявлениями уже выступили и ряд других государств (хотя, говоря формально, международное право не предусматривает юридической процедуры внешней легитимизации выборов). При этом многие страны пока призывают Каракас предоставить подробные данные о результатах голосования в различных регионах страны, а некоторые уже поздравили Мадуро с избранием на новый срок.

> Эта ситуация становится все более похожей на события шестилетней давности, когда после президентской кампании 2018 года мировое сообщество также разделилось в своем признании/непризнании Мадуро в качестве главы государства.

Тогда, правда, все получилось особенно запутанным. Через полгода после голосования действующим президентом Венесуэлы западные страны признали не оппозиционного участника выборов, а спикера парламента Хуана Гуайдо. Более 50 государств поддержали то решение. Одновременно они ввели жесткие санкции против Каракаса. Администрация Трампа объявила о политике «максимального давления». Однако достаточно быстро стало понятно, что ни провозглашенное Гуайдо правительство, ни поддержавшие его страны Запада не могли изменить

политический статус-кво в стране. Несмотря на очень тяжелое экономическое положение и масштабное внешнее давление, Мадуро вернул себе полный государственный контроль.

Параллельно при посредничестве третьих государств (главным образом, Норвегии, но не только) предпринимались попытки запустить диалог между венесуэльскими властями и оппозицией с целью найти выход из кризиса. Мадуро и его оппоненты в целом не отказывались от переговоров, однако и договориться по наиболее принципиальным вопросам не получалось. Переговоры то набирали ход и давали надежду на позитивный исход, то прекращались на длительное время. Параллельно из США и некоторых европейских и латиноамериканских столиц раздавались призывы то к еще большему давлению на Каракас, то к ослаблению давления. Там то подтверждали намерение поддерживать Гуайдо и оппозицию до победного конца, то Гуайдо переставали считать действующим президентом и понижали до статуса «привилегированного собеседника».

В октябре 2023 года, уже после того, как сама венесуэльская оппозиция отстранила Хуана Гуайдо от дел, Мадуро заявил о скором подписании соглашения с оппонентами, которое «поспособствует миру и предстоящим выборам». Тогда же США объявили о том, что приостанавливают действие наиболее чувствительных для Венесуэлы санкций. Однако уже в апреле 2024 года санкции вновь возобновили, мотивируя это отсутствием ожидавшегося политического прогресса внутри страны.

> Даже этого очень беглого обзора изменений позиций Вашингтона и других западных столиц в отношении Венесуэлы за последние годы достаточно, чтобы констатировать своего рода внешнеполитические американские горки.

Или, говоря совсем по-простому, постоянные шараханья из крайности в крайность: от жестких санкций и политики «максимального давления» к резкому снятию санкций и многообещающим примирительным заявлениям. И это только за последние шесть лет. Более долгая ретроспектива показала бы еще более амплитудные американские горки.

Объяснить такие постоянные шараханья можно отсутствием искомых результатов в отношении страны, которая для США имеет большое стратегическое значение. Чтобы оценить это значение, можно посмотреть хотя бы на венесуэльские запасы нефти или на потоки миграции из этой страны в североамериканском

направлении. Да и просто можно взглянуть на карту и вспомнить о легендарной доктрине Монро, предусматривающей безраздельное доминирование Вашингтона в западном полушарии. Однако это не все.

«Наши граждане будут смеяться над нами как над идиотами»

На эти понятные геостратегические соображения накладывается еще один фактор – внутренней политики в самих США и в меньшей степени других странах Запада. Этот фактор работает следующим образом. Регулярный график выборов различного уровня в системе западной демократии предопределяет, что любые общественно заметные темы становятся объектом политических споров и спекуляций. Иными словами, все, о чем пишут газеты, политики пытаются использовать как аргумент в предвыборной борьбе. Все они стараются вывернуть так, чтобы отобрать голоса избирателей у оппонентов и, соответственно, заработать побольше политических баллов самим.

Это распространяется и на внешнюю политику. Возможно, на внешнеполитические вопросы это распространяется даже больше, чем на внутренние. Потому что последствия от решений в отношении других стран для собственных избирателей в любом случае менее чувствительны, чем, например, если речь идет об экономике или социальной сфере. Следовательно, и ответственности за свои слова и лозунги по внешнеполитическим темам западные политики чувствуют меньше. Рисков меньше.

Тем более, что политики на Западе всегда могут делать, казалось бы, беспроигрышную ставку на тему демократии и борьбы за права человека во всех уголках мира. Эта тема является фундаментом западного политического мироощущения, которое в процессе социализации дети начинают впитывать практически с молоком матери. Особенно это характерно для Соединенных Штатов – государства, создававшегося на отрицании политической тирании Старого света. Идея демократии, как бы кто ни относился к ней сегодня, вписана в американское ДНК. И это автоматически предопределяет картину мира большинства американцев, которая, в свою очередь, программирует общественные ожидания от политиков. Задает контуры миссионерства.

До XX века эти особенности не так сильно ощущались за пределами самих США. Во-первых, положение США относительно других мировых держав еще не было доминирующим. Поэтому даже при желании вмешиваться в дела других

государств делать это на практике Вашингтону было проблематично. Во-вторых, и желания такого американские власти не выказывали, ограничивая свою «зону привилегированных интересов» западным полушарием.

Все стало меняться в XX веке. Крайне выгодное геостратегическое положение минимизировало вызовы в области безопасности и способствовало росту экономической мощи. Вместе с ней росли военно-политические и дипломатические возможности Вашингтона. По итогам Второй мировой войны США и вовсе стали фактически единственной настоящей супердержавой, в том числе благодаря их системообразующей роли в мировых финансах. Все это быстро нашло отражение во внешнеполитических представлениях: США уже могли себе позволить повсеместно распространять свое видение того, что такое хорошо, а что такое плохо.

> Вудро Вилсон стал первым главой Белого дома, который громко провозгласил демократическое миссионерство основой американской внешней политики. С того времени продвижение демократии всегда соседствует в международных делах США с базовой внешнеполитической целью любого государства – отстаиванием собственных интересов.

Это, к слову, стало гениальной находкой американцев, благодаря которой они до сих пор могут делать все то, что всегда делали великие державы, но при этом выглядят благородно в глазах большой части мирового сообщества. Страны Европы в последние десятилетия переняли эту практику.

Однако у нее есть и обратная сторона. Это уже упомянутые шараханья под влиянием общественного мнения. Когда западные политики, а вместе с ними и дипломаты, выпячивают тему демократии и прав человека во внешней политике с целью нравиться избирателям. Выглядеть принципиальным борцом за светлые демократические идеалы всегда приятно и, вроде как, беспроигрышно в глазах неискушенных в международных нюансах граждан. Но проблема в том, что легко и просто демократия продвигается только на словах. На практике же с помощью политического и санкционного давления, то есть инструментов, которые Запад использует под флагом демократии, редко получается добиться хороших результатов. Венесуэла здесь может служить ярким примером.

Еще реже эти инструменты дают быстрый результат. А избирателям политики хотят нравиться всегда, электоральные циклы постоянны. В итоге на практике продвижение демократии и выливается в американские горки. Вчера санкции ввели, но результата нет, поэтому сегодня их отменили. Но результата снова нет, поэтому завтра их опять восстановят, а послезавтра ужесточат и масштабируют. Результата все равно не будет, но зато политики со всех сторон расскажут, как отчаянно боролись с автократами и прочими тиранами. Особенно если, как в случае Венесуэлы, в США есть электорально заметная диаспора из той или иной страны или региона.

> На выходе получается такой особый вид популизма – демократический.

В качестве зарисовки вспоминается беседа с одним высокопоставленным европейским дипломатом летом 2020 года. Автор этих строк объяснял собеседнику, что если по итогам президентских выборов в Беларуси ЕС и США традиционно начнут вводить против Минска санкции, то в силу очевидных факторов не только не добьются заявленных целей, но и получат ровно противоположный результат. А с учетом геополитического положения Беларуси – Запад еще и подтолкнет к дестабилизации ситуацию в региональной безопасности и, что самое главное, осложнит свое собственное положение в Восточной Европе. На это высокопоставленный чиновник ответил, что согласен с моим анализом ситуации, полностью подписывается под вытекающим из него аргументом. А затем добавил: *«Но мы не можем не отреагировать, потому что тогда наши граждане будут смеяться над нами как над идиотами. А единственный способ отреагировать, который у нас есть, это санкции»*.

Четыре года спустя, когда высказанный прогноз (к сожалению!) оправдался на 100%, хочется спросить и того дипломата, и всех ярых санкционных популистов: а как теперь вы и ваша политика выглядят в глазах избирателей? Когда так боишься общественной критики, что сегодня принимаешь популярные решения, которые уже завтра прогнозируемо подрывают интересы твоей страны, то это как называется?

Внутренняя политика на Западе и национальный интерес

Здесь мы подходим к главному выводу. Американские горки во внешней политике Запада под влиянием общественного мнения причиняют серьезный вред не только странам, в отношении которых то вводятся, то снимаются санкции. Они почти

всегда наносят прямой урон самим западным странам, подрывают их стратегические позиции в мире.

Исследователи, которые строго придерживаются парадигмы реализма в международных отношениях, возразят, мол, все эти разговоры о демократии и заигрывании с внутренней аудиторией, всего лишь информационный шум. А на самом деле все всегда руководствуются прагматичными интересами – и демократии, и автократии, и иные -кратии. Во многом они будут правы, так как на длинных временных дистанциях обычно действительно происходит «равнение» внешней политики государств на национальные интересы.

> Однако если долго и систематически принимать противоречащие собственным интересам популистские решения, которые в моменте не кажутся слишком опасными, то происходит накапливание критической массы ошибок, и когда-то должен наступить момент истины.

Описанная выше гениальная находка Вудро Вилсона может успешно работать лишь до тех пор, пока не начинает критически «выходить за берега». То есть пока не происходит системного перебарщивания и пока доминирующие ресурсы США позволяют пренебрегать нюансами в различных частях мира. Но накапливаемые ошибки как раз и ведут к снижению ресурсов и подрыву конкурентных преимуществ Запада. Тем более сейчас, когда фактор внутренней политики западных государств в условиях их экономического и военно-политического доминирования в мире дополнительно стимулирует многие незападные правительства прикладывать усилия, чтобы изменить существующие балансы и трансформировать всю международную систему. Поэтому стратегически «равнение» на национальные интересы для США и всего Запада будет означать неизбежную необходимость как-то ограничить влияние внутриполитического популизма на внешнюю политику.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»